

Валентина Воркевич

ВВ – Я всё очень хорошо помню. Это были такие магазины, похожие на «Лоблоуз», только намного меньше. Но там абсолютно всё было! Была ветчина, были шоколадки, был рис – было всё, что вы только хотели. Это была, как они её называли, «выкачка золота». «Выкачка» - потому что люди несли всё добровольно. Я до сих пор помню, что мама дала папе, потому что там не брали что попало - всё должно было быть только качественное.

У нас были такие маленькие стопочки, серебряные с позолотой. Я их как сейчас помню. Мне их было очень жалко. Шесть, по-моему. И еще мама взяла какие-то серёжки, и, кажется, какой-то еще перстенёк. И мы пошли с отцом в «Торгсин».

Я это очень хорошо помню! Сначала вы идёте, а очередь - как отсюда до улицы Блур. Потому что... Ну, не важно. Ну вот, а как вы уже туда попадали, то они взвешивали всё - сколько там грамм, и сколько это стоит, а потом давали такие купоны - не то по пять долларов, не то по пять рублей. И вы с теми пятью рублями шли в этот магазин, и там были цены, - это, и это, и то, что вы могли купить, значит, за этих пять рублей, в зависимости от того, сколько у вас было золота и серебра.

Как мы зашли, то, знаете, глаза разбежались – всё-всё там было. Говорю вам - как в «Лоблоуз», только в маленьком.

Мама ходила на базар, и там немного что-то выменивала. А моя работа была ежедневно ходить за хлебом. Иногда приносила, иногда нет. А если приносила, то, я вам скажу, - это было не больше чем вот такой, маленький, хлебец. И то мы им делились. А те опухшие люди, молодые, которые лежали и падали под заборами... Их была масса; я их видела. И их так... просто забрасывали в грузовики и увозили в какие-то общие могилы, наверное.

- *И это были крестьяне?*

ВВ – Да! Крестьяне, крестьяне!

Тех умерших, - когда мы ждали хлеба, - то их бросали в машины, в грузовики, как они их называли. Я до сих пор вижу, как они их хватили и бросали - живых ещё людей, и молодых и старше, - несчастных.